

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ

С.М. Хенкин

Проблему состоятельности национального государства целесообразно рассмотреть сквозь призму массового сознания. Обращусь к Европе. В ряду пространственных общностей самоидентификация европейцев может осуществляться на трех уровнях: национально-государственном, наднациональном и локальном. С какой территориальной общностью в наибольшей степени соотносят себя европейцы в условиях происходящей ныне передачи суверенных функций национального государства вверх — наднациональным структурам и вниз — локальным сообществам?

Начну с наднационального уровня. Еще в 1984 г. лидеры государств ЕС поставили задачу сформировать у населения своих стран чувство общеевропейской идентичности. Появились символы единой Европы — флаг, гимн. Для стран, присоединившихся к Шенгенским соглашениям, был создан безвизовый режим. Появилась единая европейская валюта. Однако формирование единого европейского сознания намного отстало от складывания наднациональных экономических и политических институтов. Речь при этом не идет о том, чтобы люди считали себя только европейцами, забыв свою национальную принадлежность. Такое если и может быть, то в очень незначительном масштабе. Европейцев (да и не только их) исторически отличает так называемая разделенная лояльность — множественность форм самоидентификации. Сложилась целая иерархия народов, к которым люди себя причисляют: народ своего селения или города, народ своей провинции, народ страны в целом. Поэтому вопрос стоит так: к какой общности люди причисляют себя в большей степени?

Социологические обследования свидетельствуют, что, выбирая между своей страной и Европой в целом, большинство европейцев ставят на первое место национальный компонент, считают себя прежде всего представителями своей нации. По данным 3-го Европейского обследования ценностей (1999 г.), 25,9% респондентов выбрали в качестве первого по значимости уровня идентификации страну, 16,6% — регион и только 4% континент¹. В Испании только 5% опрошенных в 1998 г. хотели бы, чтобы в их паспортах было зафиксировано гражданство ЕС, в то время как 70% высказались за испанское гражданство². Разумеется, это не означает, что у европейцев отсутствует чувство принадлежности к Европе как к единому целому. Напротив, у части жителей континента это чувство крепнет во многом благодаря общим цивилизационным корням, приверженности общим ценностям демократии, гражданских свобод. Благоприятно влияет на формирование единого европейского сознания и отсутствие границ, возможность свободно перемещаться и лучше узнавать друг друга. Примечательно также, что европейская идентичность формируется в негативном взаимодействии с другими культурами, например в противопоставлении европейской модели, с ее принципом социальной справедливости, — американской, основывающейся на индивидуализме, или исламской — с ее ценностями, чуждыми европейскому сознанию³.

¹ Семененко И.С. *Метаморфозы европейской идентичности* // Полис. 2008. № 3. С. 88.

² Diez Nicolas J. *Identidad nacional y cultura de defensa*. Madrid, s/d, p. 23.

³ Семененко И.С. *Указ. соч.* С. 93–94.

И все же у многих жителей Европы преданность общеевропейской идее или недостаточно развита, или отсутствует вообще, что определяется целым рядом обстоятельств. Одно из важнейших — падение влияния христианской религии, которая могла бы стать одной из важнейших «скреп» Европейского сообщества. Секуляризация массового сознания европейцев подтверждается многочисленными опросами. Не случайно в проекте так и не принятой Европейской конституции отсутствовало положение о «христианских корнях Европы». Играет роль также культурный фактор: уникальность исторического опыта разных стран и, что особенно важно, устойчивая память о конфликтах, порой кровопролитных и оборачивавшихся национальными трагедиями для европейских народов. Культурной гомогенизации препятствует и еще одно обстоятельство — языковая разобщенность европейцев. Ведь язык в значительной степени определяет характер идентичности. Между тем большинство жителей континента либо моноязычны, либо владеют иностранным языком лишь в той степени, чтобы быть понятыми собеседником. Языковая разобщенность затрудняет формирование некой целостной «транснациональной культуры»⁴. Также отрицательно сказывается на формировании европейской идентичности вступление в ЕС новых членов, еще больше расширяющее европейское пространство и порождающее новые конфликты. К сказанному следует добавить фактор массовой иммиграции в Европу, прежде всего мусульман. Усложнение континента в этническом, расовом и религиозном отношении еще больше затрудняет формирование новой европейской идентичности, поскольку зачастую переселенцы и коренные жители живут параллельными мирами, не

стремясь к интеграции и относясь друг к другу неприязненно, а то и откровенно враждебно.

Итак, национальная самоидентификация остается фактором, цементирующим европейские государства. Преданность нации — государству определяется тремя основными моментами — ощущением того, что нынешнее поколение продолжает дело предыдущих поколений, общей памятью о коллективной истории страны, а также чувством общей судьбы. Исторический опыт показывает, что эти элементы объединяют нации и позволяют им выдерживать тяжелые испытания.

Вместе с тем в рамках разделенной лояльности европейцев их национальная идентификация все в большей степени конкурирует с идентификацией региональной, преданностью своей «малой родине». В Европе традиционно высока степень развития регионального самосознания, особенно в полиэтничных странах с федеративным типом государственного устройства. В сознании многих европейцев общенациональная идентичность сосуществует с региональным патриотизмом. Так, для немцев самоидентификация с конкретной землей или городом значит больше, чем самоидентификация со всей немецкой нацией. В испанском государстве автономий, представляющем собой промежуточную форму между унитарным государством и федерацией, в межгрупповых отношениях особенно значим уровень региона. Национальность здесь отождествляется с регионом.

В последние десятилетия региональное самосознание растет. Объяснений тому несколько. Взять хотя бы политику ЕС. Принцип субсидиарности, положенный в основу его деятельности, подразумевает, что управление осуществляется на возможно более низком уровне. Регион — это очень важный элемент в многослойной структуре ЕС, поскольку решения, на каком бы этаже власти

⁴ Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. 2009. № 4. С. 131.

они ни принимались, реализуются непосредственно в том или ином регионе. Позитивная сторона субсидиарности — укрепление автономии регионов, повышение качества регионального управления. Своеобразие ситуации, однако, в том, что притязания части жителей регионов, и прежде всего местных элит, нередко выходит далеко за рамки той роли, которую отводят регионам ЕС и национальные правительства. Предоставленные сверху полномочия порой только разжигают аппетиты региональных элит, которые заигрывают со здешним электоратом, используя популистские и демагогические лозунги. На руку им играют опасения части населения регионов в условиях бурно развивающихся процессов европейской интеграции и глобализации утратить свой язык и традиции, раствориться в безликой мировой среде. Радикально-националистические партии «регионального разлива» играют важную роль в жизни ряда европейских стран. Региональный национализм перерастает в сепаратизм, а иногда и в терроризм. Можно сказать, что региональный сепаратизм обретает в эпоху глобализации второе дыхание.

Отдельно следует отметить влияние на развитие регионального национализма и сепаратизма предоставление независимости Косово. Это событие трактовалось многими странами Запада как «непрецедентное». Но, что бы ни говорилось, для малых народов это,

бесспорно, прецедент. Впервые после 1945 г. страны Евро-Атлантического сообщества признали независимость со стороны края, заявившего не о национальной, а о региональной идентичности. Предоставление независимости Косово показало и условность понятия «суверенитет» в современном мире, и возможность трансформации существующей системы международных отношений между суверенными государствами в иную, где регионы могут играть определяющую роль. Неудивительно, что это событие было встречено с энтузиазмом региональными сепаратистами по всей Европе.

Сказанное позволяет сделать несколько выводов.

1. В начале XXI в. нация — государство в сознании европейцев, как и прежде, остается высшей единицей политической жизни.

2. Региональная самоидентификация европейцев, в том числе ее сепаратистская разновидность, заметно усиливается, в то время как на пути распространения наднациональной самоидентификации встает множество препятствий.

3. В конкуренции национальной, региональной и наднациональной самоидентификаций европейцев основным соперником национально-государственной выступает региональная самоидентификация. Жителям континента ближе идея «Европы регионов», чем идея «единой европейской нации».